

The Nine Billion Names of God

Arthur C. Clarke

Девять миллиардов имён Бога

Артур Чарльз Кларк

Lingtrain Books

The Nine Billion Names of God

Девять миллиардов имён Бога

"This is a slightly unusual request," said Dr Wagner, with what he hoped was commendable restraint. "As far as I know, it's the first time anyone's been asked to supply a Tibetan monastery with an Automatic Sequence Computer. I don't wish to be inquisitive, but I should hardly have thought that your—ah—establishment had much use for such a machine. Could you explain just what you intend to do with it?"

— Заказ необычный. — Доктор Вагнер старался говорить как можно степеннее. — Насколько я понимаю, мы первое предприятие, к которому обращаются с просьбой поставить автоматическую счетную машину для тибетского монастыря. Не сочтите меня любопытным, но уж очень трудно представить, зачем вашему... э... учреждению нужна такая машина. Вы не можете объяснить, что вы собираетесь с ней делать?

"Gladly," replied the lama, readjusting his silk robes and carefully putting away the slide rule he had been using for currency conversions. "Your Mark V Computer can carry out any routine mathematical operation involving up to ten digits. However, for our work we are interested in letters, not numbers. As we wish you to modify the output circuits, the machine will be printing words, not columns of figures."

— Охотно, — ответил лама, поправляя складки шелкового халата и не спеша убирая логарифмическую линейку, с помощью которой производил финансовые расчеты. — Ваша электронная машина «Модель пять» выполняет любую математическую операцию над числами, вплоть до десятизначных. Но для решения нашей задачи нужны не цифры, а буквы. Вы переделаете выходные цепи, как мы вас просим, и машина будет печатать слова, а не числа.

"I don't quite understand..." "This is a project on which we have been working for the last three centuries—since the lamasery was founded, in fact. It is somewhat alien to your way of thought, so I hope you will listen with an open mind while I explain it."

— Мне не совсем ясно... — Речь идет о проблеме, над которой мы трудимся уже три столетия, со дня основания нашего монастыря. Человеку вашего образа мыслей трудно это понять, но я надеюсь, вы без предвзятости выслушаете меня.

"Naturally."

— Разумеется.

"It is really quite simple. We have been compiling a list which shall contain all the possible names of God."

— В сущности, это очень просто. Мы составляем список, который включит в себя все возможные имена Бога.

"I beg your pardon?" "We have reason to believe," continued the lama imperturbably, "that all such names can be written with not more than nine letters in an alphabet we have devised."

— Простите... — У нас есть основания полагать, — продолжал лама невозмутимо, — что все эти имена можно записать с применением всего лишь девяти букв изобретенной нами азбуки.

"And you have been doing this for three centuries?"

— И вы триста лет занимаетесь этим?

"Yes: we expected it would take us about fifteen thousand years to complete the task."

— Да. По нашим расчетам, потребуется около пятнадцати тысяч лет, чтобы выполнить эту задачу.

"Oh," Dr Wagner looked a little dazed. "Now I see why you wanted to hire one of our machines. But what exactly is the purpose of this project?"

— О! — Доктор Вагнер был явно поражен. — Теперь я понимаю, для чего вам счетная машина. Но в чем, собственно, смысл всей этой затеи?

The lama hesitated for a fraction of a second, and Wagner wondered if he had offended him. If so, there was no trace of annoyance in the reply.

Лама на мгновение замялся. «Уж не оскорбил ли я его?» спросил себя Вагнер. Во всяком случае, когда гость заговорил, ничто в его голосе не выдавало недовольства.

"Call it ritual, if you like, but it's a fundamental part of our belief. All the many names of the Supreme Being—God, Jehova, Allah, and so on—they are only man-made labels. There is a philosophical problem of some difficulty here, which I do not propose to discuss, but somewhere among all the possible combinations of letters that can occur are what one may call the real names of God. By systematic permutation of letters, we have been trying to list them all."

— Назовите это культом, если хотите, но речь идет о важной составной части нашего вероисповедания. Употребляемые нами имена Высшего Существа — Бог, Иегова, Аллах и так далее — всего-навсего придуманные человеком ярлыки. Тут возникает довольно сложная философская проблема, не стоит сейчас ее обсуждать, но среди всех возможных комбинаций букв кроются, так сказать, действительные имена Бога. Вот мы и пытаемся выявить их, систематически переставляя буквы.

"I see. You've been starting at AAAAAAA... and working up to ZZZZZZZZ..." "Exactly—though we use a special alphabet of our own. Modifying the electromatic typewriters to deal with this is, of course, trivial. A rather more interesting problem is that of devising suitable circuits to eliminate ridiculous combinations. For example, no letter must occur more than three times in succession."

— Понимаю. Вы начали с комбинации AAAAAAA... и будете продолжать, пока не дойдете до ЯЯЯЯЯЯ... — Вот именно. С той разницей, что мы пользуемся азбукой, которую изобрели сами. Заменить литеры в пишущем устройстве, разумеется, проще всего. Гораздо сложнее создать схему, которая позволит исключить заведомо нелепые комбинации. Например, ни одна буква не должна повторяться более трех раз подряд.

"Three? Surely you mean two."

— Трех? Вы, конечно, хотели сказать — двух.

"Three is correct: I am afraid it would take too long to explain why, even if you understood our language."

— Нет, именно трех. Боюсь, что объяснение займет слишком много времени, даже если бы вы знали наш язык.

"I'm sure it would," said Wagner hastily. "Go on."

— Не сомневаюсь, — поспешил согласиться Вагнер. — Продолжайте.

"Luckily, it will be a simple matter to adapt your Automatic Sequence Computer for this work, since once it has been programmed properly it will permute each letter in turn and print the result. What would have taken us fifteen thousand years it will be able to do in a hundred days."

— К счастью, вашу автоматическую счетную машину очень легко приспособить для нашей задачи. Нужно лишь правильно составить программу, а машина сама проверит все сочетания и отпечатает итог. За сто дней будет выполнена работа, на которую у нас ушло бы пятнадцать тысяч лет.

Dr Wagner was scarcely conscious of the faint sounds from the Manhattan streets far below.

Далеко внизу лежали улицы Манхэттена, но доктор Вагнер вряд ли слышал невнятный гул городского транспорта.

He was in a different world, a world of natural, not man-made, mountains. High up in their remote aeries these monks had been patiently at work, generation after generation, compiling their lists of meaningless words. Was there any limit to the follies of mankind? Still, he must give no hint of his inner thoughts. The customer was always right...

Мысленно он перенесся в другой мир, мир настоящих гор, а не тех, что нагромождены рукой человека. Там, уединившись в заоблачной выси, эти монахи из поколения в поколение терпеливо трудятся, составляя списки лишенных всякого смысла слов. Есть ли предел людскому безрассудству? Но нельзя показывать, что ты думаешь. Клиент всегда прав.

"There's no doubt," replied the doctor, "that we can modify the Mark V to print lists of this nature. I'm much more worried about the problem of installation and maintenance. Getting out to Tibet, in these days, is not going to be easy."

— Несомненно, — сказал доктор, — мы можем переделать «Модель пять», чтобы она печатала нужные вам списки. Меня заботит другое — установка и эксплуатация машины. В наши дни попасть в Тибет не так-то просто.

"We can arrange that. The components are small enough to travel by air—that is one reason why we chose your machine. If you can get them to India, we will provide transport from there."

— Положитесь на нас. Части не слишком велики, их можно будет перебросить самолетом. Вы только доставьте их в Индию, дальше мы сделаем все сами.

"And you want to hire two of our engineers?"

— И вы хотите нанять двух инженеров нашей фирмы?

"Yes, for the three months that the project should occupy."

— Да, на три месяца, пока не будет завершена программа.

"I've no doubt that Personnel can manage that." Dr Wagner scribbled a note on his desk pad. "There are just two other points—" Before he could finish the sentence the lama had produced a small slip of paper.

— Я уверен, что они выдержат срок. — Доктор Вагнер записал что-то в блокноте. — Остается выяснить еще два вопроса... Прежде чем он договорил, лама протянул ему узкую полоску бумаги.

"This is my certified credit balance at the Asiatic Bank."

— Вот документ, удостоверяющий состояние моего счета в Азиатском банке.

"Thank you. It appears to be—ah—adequate. The second matter is so trivial that I hesitate to mention it—but it's surprising how often the obvious gets overlooked. What source of electrical energy have you?"

— Благодарю. Как будто... да, все в порядке. Второй вопрос настолько элементарен, я даже не знаю, как сказать... Но вы не представляете себе, сколь часто люди упускают из виду самые элементарные вещи. Итак, какой у вас источник электроэнергии?

"A diesel generator providing fifty kilowatts at a hundred and ten volts. It was installed about five years ago and is quite reliable. It's made life at the lamasery much more comfortable, but of course it was really installed to provide power for the motors driving the prayer wheels."

— Дизельный генератор мощностью пятьдесят киловатт, напряжение сто десять вольт. Он установлен пять лет назад и вполне надежен. Благодаря ему жизнь у нас в монастыре стала гораздо приятнее. Но вообще-то его поставили, чтобы снабжать энергией моторы, которые вращают молитвенные колеса.

"Of course," echoed Dr Wagner. "I should have thought of that."

— Ну конечно, — подхватил доктор Вагнер. — Как я не подумал!

The view from the parapet was vertiginous, but in time one gets used to anything. After three months, George Hanley was not impressed by the two-thousand-foot swoop into the abyss or the remote checkerboard of fields in the valley below. He was leaning against the wind-smoothed stones and staring morosely at the distant mountains whose names he had never bothered to discover.

This, thought George, was the craziest thing that had ever happened to him. "Project Shangri-La", some wit back at the labs had christened it. For weeks now the Mark V had been churning out acres of sheets covered with gibberish. Patiently, inexorably, the computer had been rearranging letters in all their possible combinations, exhausting each class before going on to the next. As the sheets had emerged from the electromatic typewriters, the monks had carefully cut them up and pasted them into enormous books.

In another week, heaven be praised, they would have finished. Just what obscure calculations had convinced the monks that they needn't bother to go on to words of ten, twenty, or a hundred letters. George didn't know. One of his recurring nightmares was that there would be some change of plan, and that the high lama (whom they'd naturally called Sam Jaffe, though he didn't look a bit like him) would suddenly announce that the project would be extended to approximately A.D. 2060. They were quite capable of it.

George heard the heavy wooden door slam in the wind as Chuck came out on to the parapet beside him. As usual, Chuck was smoking one of the cigars that made him so popular with the monks—who, it seemed, were quite willing to embrace all the minor and most of the major pleasures of life. That was one thing he then: favour: they might be crazy, but they weren't bluenoses. Those frequent trips they took down to the village, for instance... "Listen, George," said Chuck urgently. I've learned something that means trouble."

"What's wrong? Isn't the machine behaving?"

С балкона открывался захватывающий вид, но со временем ко всему привыкаешь. Семисотметровая пропасть, на дне которой распластались шахматные клеточки возделанных участков, уже не пугала Джорджа Хенли. Положив локти на сглаженные ветром камни парапета, он угрюмо созерцал далекие горы, названия которых ни разу не попытался узнать.

«Вот ведь влип! — сказал себе Джордж. — Более дурацкую затею трудно придумать!» Уже которую неделю «Модель пять» выдает горы бумаги, испещренной тарабарщиной. Терпеливо, неумоимо машина переставляет буквы, проверяет все сочетания и, исчерпав возможности одной группы, переходит к следующей. По мере того как пишущее устройство выбрасывает готовые листы, монахи тщательно собирают их и склеивают в толстые книги.

Слава Богу, еще неделя, и все будет закончено. Какие такие расчеты убедили монахов, что нет надобности исследовать комбинации из десяти, двадцати, ста букв, Джордж не знал. И без того его по ночам преследовали кошмары: будто в планах монахов произошли перемены и верховный лама объявил, что программа продлевается до 2060 года... А что, они способны на это!

Громко хлопнула тяжелая деревянная дверь, и рядом с Джорджем появился Чак. Как обычно, он курил одну из своих сигар, которые помогли ему завоевать расположение монахов. Ламы явно ничего не имели против всех малых и большинства великих радостей жизни. Пусть они одержимые, но ханжами их не назовешь. Частенько наведываются вниз, в деревню... — Послушай, Джордж, — взволнованно заговорил Чак. — Неприятные новости!

— Что такое? Машина капризничает?

That was the worst contingency George could imagine. It might delay his return, and nothing could be more horrible. The way he felt now, even the sight of a TV commercial would seem like manna from heaven. At least it would be some link with home. "No—it's nothing like that." Chuck settled himself on the parapet, which was unusual because normally he was scared of the drop. "I've just found what all this is about."

Большей неприятности Джордж не мог себе представить. Если начнет барахлить машина, это может — о ужас! — задержать их отъезд. Сейчас даже телевизионная реклама казалась ему голубой мечтой. Все-таки что-то родное... — Нет, совсем не то. — Чак сел на парапет; удивительный поступок, если учесть, что он всегда боялся обрыва — Я только что выяснил, для чего они все это затеяли.

"What d'ya mean? I thought we knew."

— Не понимаю. Разве нам это не известно?

"Sure—we know what the monks are trying to do. But we didn't know why. It's the craziest thing—" "Tell me something new," growled George.

— Известно, какую задачу поставили себе монахи. Но мы не знали для чего. Это такой бред... — Расскажи что-нибудь поновее, — простонал Джордж.

"—but old Sam's just come clean with me. You know the way he drops in every afternoon to watch the sheets roll out. Well, this time he seemed rather excited, or at least as near as he'll ever get to it. When I told him that we were on the last cycle he asked me, in that cute English accent of his, if I'd ever wondered what they were trying to do. I said, 'Sure'—and he told me."

— Старик верховный только что разоткровенничался со мной. Ты знаешь его привычку — каждый вечер заходит посмотреть, как машина выдает листы. Ну вот, сегодня он явно был взволнован — если его вообще можно представить себе взволнованным. Когда я объяснил ему, что идет последний цикл, он спросил меня на своем ломаном английском, задумывался ли я когда-нибудь, чего именно они добиваются. Конечно, говорю. Он мне и рассказал.

"Go on: I'll buy it."

— Давай, давай, как-нибудь переварю.

"Well, they believe that when they have listed all His names—and they reckon that there are about nine billion of them—God's purpose will be achieved. The human race will have finished what it was created to do, and there won't be any point in carrying on. Indeed, the very idea is something like blasphemy."

— Ты послушай: они верят, что, когда перепишут все имена Бога, а этих имен, по их подсчетам, что-то около девяти миллиардов, — осуществится божественное предначертание. Род человеческий завершит то, ради чего был сотворен, и можно будет поставить точку. Мне вся эта идея кажется богохульством.

"Then what do they expect us to do? Commit suicide?"

— И чего же они ждут от нас? Что мы покончим жизнь самоубийством?

"There's no need for that. When the list's completed, God steps in and simply winds things up... bingo!" "Oh, I get it."

— В этом нет нужды. Как только список будет готов, Бог сам вмешается и подведет черту. Амба!

When we finish our job, it will be the end of the world."

— Понял: как только мы закончим нашу работу, наступит конец света.

Chuck gave a nervous little laugh.

Чак нервно усмехнулся.

"That's just what I said to Sam. And do you know what happened? He looked at me in a very queer way, like I'd been stupid in class, and said, 'It's nothing as trivial as that.'"

— То же самое я сказал верховному. И знаешь, что было? Он поглядел на меня так, словно я сморозил величайшую глупость, и сказал: «Какие пустяки вас заботят».

George thought this over for a moment.

Джордж призадумался.

"That's what I call taking the Wide View," he said presently. "But what d'you suppose we should do about it? I don't see that it makes the slightest difference to us. After all, we already knew that they were crazy."

— Ничего не скажешь, широкий взгляд на вещи, — произнес он наконец. — Но что мы-то можем тут поделывать? Твое открытие ничего не меняет. Будто мы и без того не знали, что они помешанные.

"Yes—but don't you see what may happen? When the list's complete and the Last Trump doesn't blow—or whatever it is they expect—we may get the blame. It's our machine they've been using. I don't like the situation one little bit."

— Верно, но неужели ты не понимаешь, чем это может кончиться? Мы выполним программу, а Судный день не наступит. Они возьмут, да нас обвинят. Машина-то наша. Нет, не нравится мне все это.

"I see," said George slowly. "You've a point there. But this sort of thing's happened before, you know. When I was a kid down in Louisiana we had a crackpot preacher who once said the world was going to end next Sunday. Hundreds of people believed him—even sold then: homes. Yet when nothing happened, they didn't turn nasty, as you'd expect. They just decided that he'd made a mistake in his calculations and went right on believing. I guess some of them still do."

— Дошло, — медленно сказал Джордж. — Пожалуй, ты прав. Но ведь это не ново, такое и раньше случалось. Помню, в детстве у нас в Луизиане объявился свихнувшийся проповедник, который твердил, что в следующее воскресенье наступит конец света. Сотни людей поверили ему, некоторые даже продали свои дома. А когда ничего не произошло, они не стали возмущаться, не думай. Просто решили, что он ошибся в своих расчетах, и продолжали веровать. Не удивлюсь, что некоторые из них до сих пор ждут конца света.

"Well, this isn't Louisiana, in case you hadn't noticed. There are just two of us and hundreds of these monks. I like them, and I'll be sorry for old Sam when his life backfires on him. But all the same, I wish I was somewhere else."

— Позволь напомнить, мы не в Луизиане. И нас двое, а этих лам несколько сотен. Они славные люди, и жаль старика, если рухнет дело всей его жизни. Но я все-таки предпочел бы быть где-нибудь в другом месте.

"I've been wishing that for weeks. But there's nothing we can do until the contract's finished and the transport arrives to fly us out."

— Я об этом давно мечтаю. Но мы ничего не можем поделывать, пока не выполним контракт и за нами не прилетят.

"Of course," said Chuck thoughtfully, "we could always try a bit of sabotage."

— А что, если подстроить что-нибудь?

"Like hell we could! That would make things worse."

— Черта с два! Только хуже будет.

"Not the way I meant. Look at it like this. The machine will finish its run four days from now, on the present twenty-hours-a-day basis. The transport calls in a week. O.K.—then all we need to do is to find something that needs replacing during one of the overhaul periods—something that will hold up the works for a couple of days. We'll fix it, of course, but not too quickly. If we time matters properly, we can be down at the airfield when the last name pops out of the register. They won't be able to catch us then."

— Не торопись, послушай. При нынешнем темпе работы — двадцать часов в сутки — машина закончит все в четыре дня. Самолет прилетит через неделю. Значит, нужно только во время очередной наладки найти какую-нибудь деталь, требующую замены. Так, чтобы оттянуть программу денька на два, не больше. Исправим не торопясь. И если сумеем все верно рассчитать, мы будем на аэродроме в тот миг, когда машина выдаст последнее имя. Тогда им уже нас не перехватить.

"I don't like it," said George. "It will be the first time I ever walked out on a job. Besides, it would make them suspicious. No, I'll sit tight and take what comes."

— Не нравится мне твой замысел, — ответил Джордж.
— Не было случая, чтобы я не довел до конца начатую работу. Не говоря уже о том, что они сразу заподозрят неладное. Нет уж, лучше дотяну до конца, будь что будет.

"I still don't like it," he said, seven days later, as the tough little mountain ponies carried them down the winding road. "And don't you think I'm running away because I'm afraid. I'm just sorry for those poor old guys up there, and I don't want to be around when they find what suckers they've been. Wonder how Sam will take it?"

— Я и теперь не одобряю нашего побега, — сказал он семь дней спустя, когда они верхом на крепких горных лошадках ехали вниз по извилистой дороге.
— И не подумай, что я удираю, потому что боюсь. Просто мне жаль этих бедняг, не хочется видеть их огорчение, когда они убедятся, что опростоволосились. Интересно, как верховный это примет?..

"It's funny," replied Chuck, "but when I said good-bye I got the idea he knew we were walking out on him—and that he didn't care because he knew the machine was running smoothly and that the job would soon be finished. After that—well, of course, for him there just isn't any After That..."

— Странно, — отозвался Чак, — когда я прощался с ним, мне показалось, что он нас раскусил и отнесся к этому совершенно спокойно. Все равно машина работает исправно, и задание скоро будет выполнено. А потом... Впрочем, в его представлении никакого «потом» не будет.

George turned in his saddle and stared back up the mountain road. This was the last place from which one could get a clear view of the lamasery. The squat, angular buildings were silhouetted against the afterglow of the sunset: here and there, lights gleamed like portholes in the side of an ocean liner. Electric lights, of course, sharing the same circuit as the Mark V. How much longer would they share it? wondered George. Would the monks smash up the computer in their rage and disappointment? Or would they just sit down quietly and begin their calculations all over again?

Джордж повернулся в седле и поглядел вверх. С этого места в последний раз открывался вид на монастырь. Приземистые угловатые здания четко вырисовывались на фоне закатного неба; тут и там, точно иллюминаторы океанского лайнера, светились огни. Электрические, разумеется, питающиеся от того же источника, что и «Модель пять». «Сколько еще продлится это сосуществование?» — спросил себя Джордж. Разочарованные монахи способны сгоряча разбить вдребезги вычислительную машину. Или они преспокойно начнут все свои расчеты сначала?..

He knew exactly what was happening up on the mountain at this very moment. The high lama and his assistants would be sitting in their silk robes, inspecting the sheets as the junior monks carried them away from the typewriters and pasted them into the great volumes. No one would be saying anything. The only sound would be the incessant patter, the never-ending rainstorm of the keys hitting the paper, for the Mark V itself was utterly silent as it flashed through its thousands of calculations a second. Three months of this, thought George, was enough to start anyone climbing up the wall. "There she is!" called Chuck, pointing down into the valley. "Ain't she beautiful!"

Он ясно представлял себе, что в этот миг происходит на горе. Верховный лама и его помощники сидят в своих шелковых халатах, изучая листки, которые рядовые монахи собирают в книги. Никто не произносит ни слова. Единственный звук — нескончаемая дробь, как от вечного ливня: стучат по бумаге рычаги пишущего устройства. Сама «Модель пять» выполняет свою тысячу вычислений в секунду бесшумно. «Три месяца... — подумал Джордж. — Да тут кто угодно свихнется!» — Вот он! — воскликнул Чак, показывая вниз, в долину. — Правда, хорош?

She certainly was, thought George. The battered old DC3 lay at the end of the runway like a tiny silver cross. In two hours she would be bearing them away to freedom and sanity. It was a thought worth savouring like a fine liqueur. George let it roll round his mind as the pony trudged patiently down the slope.

«Правда», — мысленно согласился Джордж. Старый, выдавший виды самолет серебряным крестиком распластался в начале дорожки. Через два часа он понесет их к свободе и разуму. Эту мысль хотелось смаковать, как рюмку хорошего ликера. Джордж упивался ею, покачиваясь в седле.

The swift night of the high Himalayas was now almost upon them. Fortunately, the road was very good, as roads went in that region, and they were both carrying torches. There was not the slightest danger, only a certain discomfort from the bitter cold. The sky overhead was perfectly clear, and ablaze with the familiar, friendly stars. At least there would be no risk, thought George, of the pilot being unable to take off because of weather conditions. That had been his only remaining worry.

Гималайская ночь почти настигла их. К счастью, дорога хорошая, как и все местные дороги. И у них есть фонарики. Никакой опасности, только холод досаждал. В удивительно ясном небе сверкали знакомые звезды. «Во всяком случае, — подумал Джордж, — из-за погоды не застрянем». Единственное, что его еще тревожило.

He began to sing, but gave it up after a while. This vast arena of mountains, gleaming like whitely hooded ghosts on every side, did not encourage such ebullience. Presently George glanced at his watch.

Он запел, но вскоре смолк. Могучие, величавые горы с белыми шапками вершин не располагали к бурному проявлению чувств. Джордж посмотрел на часы.

"Should be there in an hour," he called back over his shoulder to Chuck. Then he added, in an afterthought: "Wonder if the computer's finished its run. It was due about now."

— Еще час, и будем на аэродроме, — сообщил он через плечо Чаку. И добавил чуть погодя: — Интересно, как там машина — уже закончила? По времени — как раз.

Chuck didn't reply, so George swung round in his saddle. He could just see Chuck's face, a white oval turned towards the sky.

Чак не ответил, и Джордж повернулся к нему. Он с трудом различил лицо друга — обращенное к небу белое пятно.

"Look," whispered Chuck, and George lifted his eyes to heaven. (There is always a last tune for everything.) Overhead, without any fuss, the stars were going out.

— Смотри, — прошептал Чак, и Джордж тоже обратил взгляд к небесам. (Все когда-нибудь происходит в последний раз.) Высоко над ними тихо, без шума одна за другой гасли звезды.